

Ирина Курамшина

Сборник стихотворений

*Торсть тепла
для тебя*

12+

Ирина Курамшина

Горсть тепла для тебя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42112236

SelfPub; 2019

Аннотация

Ирина Курамшина (сетевой ник IRINA) член Российского союза писателей (РСП). Сборник стихотворений «Горсть тепла для тебя» – скорее разговор с читателем, чем просто рифмованные строки. Автор говорит о наболевшем и актуальном, не только о своем, личном, но и любого, открывшего книгу. Описывает узнаваемые жизненные ситуации, примеряет на себя всевозможные лики, погружает читателя то в будни, то в праздники, что, конечно же, не оставит последнего равнодушным. В оформлении обложки использовано фото из личного архива автора.

Содержание

ПОГОДНОЕ	5
Порхает лето	7
Предосенняя агония	8
Как скудны цвета	10
С поводка октябрь спущен	11
Осень. Скука вызрела	12
Эй, музыкант, возьми гитару...	14
Штормит ноябрь	16
У погоды тоже кризис	17
Февральский дисбаланс	18
Ненавижу февраль...	19
Снежная весна	20
Весне	21
Звездопад	22
МЕЧТАТЕЛЬНОЕ	24
Мой виртуальный герой	25
Чудо	27
ТОМИТЕЛЬНОЕ ЛЮБОВНОЕ	28
Летнее отступление	30
Колдовская каша	32
Подполье	34
Улей	36
Лети, мой ангел	39

Вкусная тишина	41
Ступая сердечной тропой	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

ПОГОДНОЕ

Ностальгия по теплу

Очень скучная весна:

ни сосуллек, ни капли.

Лишь ленивые от сна

две не мартовских недели

Издеваются дождем,

сыплют мокрый снег внезапно,

грязным под ноги ручьем

расползаются масштабно.

Видно (в сговоре с зимой?),

топят солнце в злобных тучах.

Но... за серой бахромой

иногда... мелькает... лучик...

Порхает лето

Порхает лето мотыльком,
и плавится июль-повеса.
Еще тепло, и босиком
бегу в любимый август месяц.

А в нем от звезд рябит в глазах
и сон приходит на рассвете.
А в нем мечтается в ночах,
и каждая мечта заветней.

Пусть плоть и разум не в ладах,
пусть бьется сердце учащенно,
пусть страх охватит иногда,
Пусть... Все же счастье – быть влюбленной.

Предосенняя агония

Душно. Муторно. Плохо.

И нечем дышать...

Воздух словно из плоти —

хоть вешай топор.

А погода-насмешница

стала в шутку мешать

краски жаркого лета

в холодный «колор».

Лето стонет в агонии хрипами грома,

выстилагается радугой страстной в изломе.

Не таясь, осень тихо приблизилась к дому,

шелуху красно-желтую ссыпав на склоне.

Грязно. Слякотно. Мерзко.

И сыро, и мокро,
гадко будет,
причем очень скоро —

не сказкой, а былью.

Неизбежность.

Ее не люблю,

я зашторила окна.

Полумрак. До весны загрустим,

покрываясь тончайшею пылью.

Как скудны цвета

Как скудны цвета у сентябрьских
прохожих.

К чему заточают себя в черно-сером?
Хотят показаться суровой и строже
на огненном фоне осеннего сквера?

Возможно, они сожалеют о лете,
в отместку ушедшему в скорбь облачаясь.
Эй, люди! Хотя бы улыбку «наклейте»,
над дивной погодой чуточку сжалась.

Октябрь скребет у порога дождями,
но бабьему лету прогноз не помеха.
Рябины, тряся багряными перстнями,
как будто заходятся в приступе смеха.

А божья коровка в последнем полете
резвится – смешная, но знает едва ли,
как вы улыбнетесь и грустно вздохнете:
«С тоской предстоит еще много баталий...»

С поводка октябрь спущен

Краски осени все гуще,
рыжесть ярче и наглее,
с поводка октябрь спущен,
от свободы он шалее.

Разгулялся не на шутку,
золотя дворы и скверы,
с солнцем дружит трети сутки,
раздает тепло сверх меры.

Кутюрье – одел весь город,
козыряя разноцветьем.
В глубине его декора
Осень
празднует
бессмертье.

Осень. Скука вызрела

Осень. Скука вызрела
до тупого выстрела.
От любви до глупости маленький шажок.

Прошрое за шторами,
за семью запорами
наше настоящее с будущим, дружок.

Страхи одиночества,
вестники пророчества:
прав, мы очень разные – холодно вдвоем.
Нежности чураемся
и в душевном хаосе
утопаем заживо со своим враньем.

Было – то, что не было.
На земле ли, в небе ли
грешных мыслей заводи обмелели вдруг.
Больше нет доверия —
сказка с явью сверена.
И глуха отныне я, ты же – близорук.

Слов услышать искренних
или вспыхнуть искрою
суждено когда-нибудь, только не с тобой.
Я прощу заранее
«наши не свидания,
наши не гуляния нашей не весной» (с).

Осень. Скука бесится,
вместе с первым месяцем
грустного периода на календарях.

Знаю, делать нечего.

Значит, этим вечером
карты брошу заново, на свой риск и страх.

Эй, музыкант, возьми гитару...

А за окном зовут в тоску
осенний сад с дождем на пару.
Эй, музыкант, возьми гитару —
избавь природу от хандры.
Мне лик ее, кофейно-рыж,
не режет глаз, не утомляет.
Ведь то, что осенью линяет,
весной подарит новизну.
Совсем не балуют сосну,
хотя старушке не впервые,
четыре белки озорные.
Трудяга-дятел запропал
и позабыл про ритуал...
Не радует своим визитом
ее никто – грустит без свиты,
качает мокрый сарафан,
и приручает ураган,
и учит гордости березу.
У той в серьгах мерцают слезы,
макушкой бьет земле поклон.
Дождь продолжает марафон...
Атака точечных ударов...
Эй, музыкант, возьми гитару —

избавь природу от хандры.

Штормит ноябрь

Ну, вот и все. И снова круг за кругом
год марафонит по знакомому маршруту.
Сомнений след (зануды – друг за другом)
в забвенье канул, на душе нет смуты.
Чтоб не спалось, мне задан темп авансом
И легкость шага, чтоб бежалось без оглядки.
Но я плетусь, мне дороги нюансы,
лишь раздаю «на завтра» в настоящем взятки...

Штормит ноябрь, чернеют грозно небеса,
скулят ветра, буянит снегопадом вечер,
куском луны зловеще подмигнул фасад.
В остатках осени – известная предтеча.

У погоды тоже кризис

Однозначно: у погоды тоже кризис —
от дождей декабрьских захлебнулся город.
Нестандартны нынче зимние капризы,
изменили вкусам, снега ждать не скоро.

И синоптики наобещали: «Завтра
(ведь они всегда – сверхточный катехизис)
будет солнце,
только луч,
и лишь на завтрак».
Однозначно:
у погоды тоже кризис.

Февральский дисбаланс

Февралит...
и зима стороною рулит.
И по-прежнему снег порционно.
Тонзиллит, и ангина,
и грипп, и бронхит —
Лишь они,
как всегда,
по сезону.

Льют дожди.
Незатейливый, скучный мотив.
Цвет погодной палитры лишь серый.
Дисбаланс:
есть пассив и...
еще раз пассив...
А в актив
уже нет больше
веры...

Ненавижу февраль...

Ненавижу февраль.

Есть за что.

Как ни странно, но вещие сны,
обратившись в привычный поток,

гонят мысли мои на восток

и, отняв приближенье весны,

отравляют покой.

Как назло.

Слезы, страх, огорченье, печаль:

этот месяц – близнец миража.

Так за что же любить мне его?

Кто-то скажет, что стала брюзгой.

Будет прав, он не всех обижал.

Мне ж – под дых.

Ненавижу

февраль...

Снежная весна

А у нас опять замело —
все в сугробах...
Весна заблудилась...

И зима колдовским помелом
на дорогах
с утра потрудилась.

Кружева набросала
с усмешкою,
настрогала снежинок
немерено...

И весна растерялась,
замешкалась,
на пороге застыв
неуверенно.

Весне

И опять закружила, завьюжила,
заметелила зимушка снежная.
Опустила на голову кружево
и покрыла снежинками нежными.

Поцелуев морозно-прощальных
нам на память наколдовала,
в небе тучек мрачно-печальных
шесть десятков припарковала.

Не сдается старушка, кусается
и весне переправы закрыла.
А бедняжка в дверях жметя – мается.

Звездопад

Свеченьем сказочным окружена
и тучами кокетливо прищурясь,
на небосклоне полная луна
загадочно молчит, собой любуясь.

И, тайной очарована ее,
молчу и я, застывши в изумленье.

Встряхнув воображение мое,
исчезло это чудное явление
за облаком, но миллиардом страз
вдруг бросило сиянье звездопада.
Мне на руку упал один алмаз.

Его, зажав, шепчу: «Спасибо, рада,

что наконец исполнилась мечта,
что с амулетом жизнь начну сначала».

Луна вздохнула с полуночного холста

и лишь многозначительно смолчала...

МЕЧТАТЕЛЬНОЕ

Впереди, или Похмельный синдром

Жизнь – мгновение?

Жизнь – тарарам!

Как-то раз, сигарету смоля,

заглянула вперед, а там...

Там жнивьем поросли поля.

Там рассветы хмельные зовут.

Вперемешку – уют, неуют.

Солнце, звезды, луна, норд-ост.

Счастье, радость, беда, погост.

Долгостроя унылый остов

и забытый песчаный остров...

Мой виртуальный герой

Я тебя придумала —

ты такой, какого в целом мире нет.

Я тебя нарисовала —

хочешь, вышлю почтой масляный портрет?

Я тебя крестами шила

гладью, рядом – свой портрет цветными нитками.

Я тебя слепила в гипсе,

написала сто стихов, вокруг сложила свитками.

Я тебя всегда любила —

поначалу нежно, а потом так нетерпимо, страстно.

Я тебя всегда хотела —

ты ж черту провел, табличку прицепил: «Взрывоопасно».

Я ведь до сих пор люблю, и тебе известно...

Жаль, что нет вакантного рядом с другом места...

Чудо

Ему, ей... не важно

Если есть на свете чудо,
это – чудо ожидания
взгляда и прикосновенья...

Только... ты всегда в виденьях,
и лишь ты живешь в сознание,
будоража мой рассудок.

Знаю, ждать совсем немного,
и не важно даже имя,
и пускай мы не знакомы...

У любви свои законы:
раз обрушилась лавиной,
значит, чуда жду большого.

ТОМИТЕЛЬНОЕ ЛЮБОВНОЕ

Лебединая песня

Ты – свет среди полночной тьмы,

ты – моя песня лебединая,

попавшая в сачок рутины.

Из круговерти кутерьмы,

из будничных и серых дней

дарована. Еще один мой крест?

Иль с барского плеча красивый жест:

«На! – счастье принимай и пей».

И делаешь глоток... Но грех...

Принять иль нет? Как «быть или не быть».

А хочется одним теченьем плыть,

гореть с тобой в одном костре.

Ты – боль мечтаний и надежд,

утраченных и обретенных вновь,

Пришедший из счастливых, вещих снов.

Ты – талисман и амулет.

Летнее отступление

«Было» (Ю. Морозова)

Спешной поступью шествует осень,
отбирая красу у деревьев,
бьет дождями в истерике оземь,
чтобы летнее смылось томленье,
и грохочет раскатами власти,
отправляя летающих в ссылку,
разрывая сердца на запчасти,
те, что летом зажглись слишком пылко,
у которых не зажили раны,
что взирают на осень уныло.
Им бы чуточку, каплю бальзама,

но, увы, – все прошло. Было, было...

Колдовская каша

Колдунья заварила «кашу»
любовную. По шерстке глажу
с ее обманчивой подачи
себя, его, а стоит ли?
Ведь знаю, будет все банально,
коль виртуальность нереальна,
как одноразовый стаканчик.
Вот... только сердце защемит.

Что раз упало, то пропало.
Ищи хоть с поднятым забралом,
и толку нет от медитаций.
Свищи, кричи до хрипоты...
Без пользы глупые страдания,
смешны полночные стенания,
беспочвенны извне советы —
муляж вселенской пустоты.

«Учиться заново сподручней, —
брюзжит душа, — товар-то штучный.
Коль истина в грехах погрязла,
очиститься спеши в Эдем.
А слушать никого не надо,

достаточно с тебя и сада.

Спешу. Остались только крохи,
дают бесплатно – наовсем».

И грезится, что это счастье,
и сердце рвется вмиг на части,
последнее кидаешь на кон
в надежде на солидный куш.

Но все обыденно и просто —
то «мысли-осы строят гнезда».
А счастье? Да в другом вагоне
проводит сверку мнимых душ...

Подполье

Когда ниже плинтуса сырость, темень – ни зги не видно,
пусть даже ты не один, а в компании с насекомыми,
уже не спасут четыре бочки, в которых крепленые вина,
и смысла нет ничего себе доказывать. Есть аксиома.

И иксы с игреками становятся вялыми пьяными паяцами,
а знак равно превращается скоро в знак бесконечности,
не вдруг вербальность ощущается на горле пальцами
собственными – пошлая, жалкая в своей безупречности.

Тогда проклинаешь склеп, в который влез по доброй воле,
и ненависть ко всему живому становится маниакальной,
навязчивой идеей фикс – родной до колик и кровной до
боли.

Волей-неволей вживляешь свой фантом в бытовые реалии.

Правда, здорово? Из подполья есть выход, и даже не один.

А точку ставить никогда не поздно и совсем не обязательно,

есть другие знаки препинания. Кстати, а лечением амнезий

занимаются, как правило, друзья —

по доброте душевной и бессознательно.

Улей

Я – тварь, летающая, пчелка,
в трудах, заботах целый день.

Мне не положен бюллетень,
лишь к вечеру в свою светелку
влетаю я почти бескрыла,
устав от будничной борьбы,

сбежав от матушки-судьбы.
И иногда веревка с мылом —

простое вроде бы решение,
на видном месте, как исход,

лежат, но знаю наперед
святое их предназначенье:

прибавить мук, посеять страхи,
меню навязчивых идей,

что лезут изо всех щелей...
Я не боюсь. Готова к драке.

Два дня, не более, унылость,
по комплексам два раза: «Пли!»

И от хандры остался всхлип,
пусть даже попаду в немилость

к самой себе. Себе – не враг я?
Конечно, нет.
Моим врагам

я яду подложу в бальзам —
назло воскресну и по каплям

остатки пропущу сквозь фильтры
и через сетку решета.

Пусть будут сплетни и молва —
без разницы. Поверьте, игры —

всего лишь детская жестокость.
Куда страшнее взрослый бред,

прописанный в автопортрет
и зарифмованный под плоскость.

Жужжанье улья столь приятно,

что суицидный арсенал —

к чертям! Рогатый проморгал!
Его ходы безрезультатны,

он только пыжился напрасно,
он сам фантом давным-давно.

Мне ж вечной пчелкой быть дано —
и ощущения прекрасны!

Я небыль в быль кромсаю смело, финальную строку со-
жгу.

И от себя к себе сбегу —
решение давно созрело.

Лети, мой ангел

О, солнечный нектар, питательный и сочный,
дающий силы днем и канувший в закат.

Небесным божеством явился мне заочно,
с грустинками в глазах – алмазами в карат.

Надежду воскресив, заставив сердце вздрогнуть,
ты душу принудил отдать заветный ключ.

И, тайну приоткрыв, столкнул невинность в омут.
Твой нежности порыв коварен и хитрющ.

Из обещаний-слов составил иллюзорный,
заманчивый, манящий и красочный пейзаж,

в котором без тебя твои родные клоны
устраивают быт и создают мираж.

И меркнут краски вмиг, когда мое сознание
догадками сразит случайная стрела.

Но ты неуловим, схороненный за гранью
кривых зеркальных луп и битого стекла.

Из грусти соткан сон, а явь играет в прятки,
на слезы больше нет желания и сил.

Мой ангел, ты лети дорогой самой краткой,
но мимо. Я прошу. Свое ты отслужил.

Вкусная тишина

А давай помолчим на двоих?

Сядь напротив, в глаза посмотри.

Как бывало – в ладонях твоих

я согрею свои. Повтори

те слова, что сказались однажды,

когда было вселенной нам мало,

нас любовная мучила жажда,

нам ночами часов не хватало.

Повтори. Только молча, глазами.

Растворюсь в этой зыбкой тиши.

А потом на досуге стихами

про себя и меня напиши.

Расскажи всему миру о радости,
исповедуйся в лучших грехах,
вспоминая, как млела от благодати
я в надежных и нежных руках,
как горела, дымилась, взрываясь,
остывала, зажав в горле стон...
Как вдыхала тебя, прижимаясь,
как стучали сердца в унисон.

Расскажи, я прошу, ты умеешь.

Повтори нашу ночь наизусть.

Ты боишься, что вновь заболеешь,

а диагноз – любовная грусть?

Ступая сердечной тропой

Не новость вовсе – с опытом приходит понимание
себя самой, своей родной души.

Нашептываю мантры, концентрирую внимание.

И вот уж в центре я лесной глуши

тихонечко бреду по тропкам собственного сердца.

Стена бурьяна, заросли вокруг.

И лунный серп их косит, открывая настежь дверцу
к тебе, мой друг, к тебе, мой милый друг...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.